

Т. МАНН

Парижский отчет

<фрагмент>

*Воскресенье,
24 января 1926*

<...> Шестов со своими дамами принял нас в прихожей под горами пальто почти буквально с распростертыми объятьями, à la russe, полон сердечности. Он чрезвычайно русский: бородат и широк, восторжен, любезен, добр, «человечен». Да, вдруг возникла атмосфера в этих нескольких помещениях, наполненных людьми, в кабинете и в гостиной, — настроение, щедро-широкое, детское и прекрасное своей добротой, хотя и не без небольшой примеси дикости, с крепким чаем и папиросами. Первым, с кем меня познакомили, был Иван Бунин, с которым я переписывался, мастер, написавший «Господина из Сан-Франциско», рассказ, который по нравственной мощи и строгой пластичности должен быть поставлен рядом с некоторыми крупнейшими вещами Толстого, с «Поликушкой», со «Смертью Ивана Ильича». Этот рассказ сейчас, наверное, уже переведен на все языки. Он и по-французски сохраняет всю свою осязаемость, точно так же, как и «Деревня» — ужасно грустный роман из крестьянской жизни. Бунин именно таков, как я его себе, полагаю, и представлял: среднего роста, бритый, с резкими чертами лица, он кажется скорее погруженным в себя, чем разговорчивым. Разумеется, что он пресытился комплиментами по поводу «Господина из Сан-Франциско». Более охотно он выслушал про «Митину любовь», и мне не пришлось заставлять себя восхищаться проникновенностью этой повести, ибо и в ней сказалась несравненная эпическая традиция и культура его страны — качество, которое сегодня обрекает людей стать контрреволюционерами, буржуазными, антипролетарскими, политическими преступниками, вынужденными

покинуть свою страну, если это удастся. Тут я чувствую симпатию, солидарность — некоторого рода потенциальное товарищество; ибо мы в Германии еще не дошли до того, чтобы писатель с чертами характера, похожими на бунинские, должен был отряхивать прах отечества со своих ног и есть хлеб Запада. Но я не сомневаюсь нисколько в том, что в подобных обстоятельствах я разделю бы его судьбу. <...>

